

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-274-289

Н.В. МОТРОШИЛОВА, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФИЯ КАК СУЩЕСТВО НАШЕЙ ЖИЗНИ (7 августа 2018 г.)

***Аннотация:** Беседа двух научных сотрудников Института философии РАН — Мотрошиловой Нели Васильевны и Резника Юрия Михайловича проходила в непривычной обстановке, на одной из подмосковных дач. Тема беседы — «Философия в нашей жизни». Неля Васильевна, как и многие из нас, до поступления на философский факультет имела самые общие представления о философии. Но с течением времени она стала её настоящей жизнью, а история философии — историей её жизни. Да, действительно, Мотрошилова вписала себя в философию, став её неразрывной частью. Перефразирую слова известного поэта, можно сказать без лишнего пафоса: «мы говорим Мотрошилова, подразумеваем философия». Так уж случилось, что имя Нели Мотрошиловой ассоциируется у многих коллег с историей не только западной, но и отечественной философии.*

Нелю Васильевну всегда окружали интересные и творческие люди. Возможно, она подобно магниту притягивала их к себе. На стадии вхождения в профессию на неё оказали влияние Э. Ильенков, Т. Ойзерман, Ю. Мельвиль, В. Асмус и др. Она училась на философском факультете вместе с В.М. Межуевым, П.П. Гайденом, Э.Ю. Соловьевым, В.А. Лекторским, с которыми продолжила работу в Институте философии РАН. Определенное влияние на неё оказали старшие коллеги — М. Мамардашвили и А. Зиновьев. Но она многие годы поддерживала дружеские отношения и с известными западными философами, в т.ч. с Ю. Хабермасом, Л. фон Бредом и др.

Н.В. Мотрошилова — историк философии «широкого профиля». В центре её внимания находится не только творчество выдающихся немецких мыслителей, в т.ч. Канта и Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера, но и изучение русской философии. Она разработала историко-генетический подход к анализу их философских концепций. Кроме того, Мотрошилова — разработчик и автор учебного проекта «История философии: Запад-Россия-Восток». Однако её философские интересы выходят далеко за пределы истории философии. Отдельная тема исследований — цивилизация и варварство, другие проблемы философии.

Мотрошилова Неля Васильевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: motroshilova@yandex.ru.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Abstract: *The conversation of two researchers of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Nelya Vasilyevna Motroshilova and Yuri Mikhailovich Reznik, took place in unusual atmosphere – in one of suburban villas. The topic of this conversation is «Philosophy in our life». Nelya Vasilyevna, like many of us, had the most common ideas about philosophy before entering the Faculty of Philosophy. But eventually it became her real life, and the history of philosophy – the history of her life indeed. Motroshilova has inscribed herself into philosophy and become inseparable part of it. To paraphrase the words of the famous poet, we might say without excessive pathos: «we say Motroshilova, we mean philosophy». It happened so that among many colleagues the name of Nelya Motroshilova is associated with history not only of Western but also of Russian philosophy.*

Nelya Vasilyevna was always surrounded by interesting and creative people. Perhaps she was drawing them to herself like a magnet. At the stage of entering the profession she was influenced by E. Ilyenkov, T. Oizerman, Yu. Melville, V. Asmus etc. She studied in the Faculty of Philosophy together with V.M. Mezhuiev, P.P. Gaidenko, E. Yu. Solovyov, V.A. Lektorsky with whom she later continued her work at the Institute of Philosophy, RAS. In some measure she was influenced by her senior colleagues – M. Mamardashvili and A. Zinovyev. She also maintained for many years friendly relations with well-known Western philosophers, including J. Habermas, et al.

N.V. Motroshilova is the historian of philosophy of the «wide scale». Her main interests include not only work of prominent German thinkers such as Kant and Hegel, Husserl and Heidegger, but also the Russian philosophy. She has developed historico-genetic approach to analysis of their philosophical views. Motroshilova is the initiator and author of educational project «History of philosophy: West-Russia-East». Her philosophical interests, however, go far beyond the history of philosophy including such area of research as civilization and barbarism, and other problems of philosophy.

Ключевые слова: *философия, история философии, феноменология, Кант, Гегель, Гуссерль, Хайдеггер, Хабермас, философский факультет МГУ, Институт философии РАН, научный перевод, системная логика науки, историко-генетический подход, «Черные тетради».*

Key words: *philosophy, history of philosophy, phenomenology, Kant, Hegel, Husserl, Heidegger, Habermas, Faculty of Philosophy of Moscow State University, Institute of Philosophy of the RAS, scholarly translation, system logic of science, historico-genetic approach, «Black notebooks».*

Резник Юрий Михайлович: *Уважаемые читатели! Мы встретились с Нелей Васильевной у неё на даче, в Жучках, что расположены между Хотьково и Сергиевым Посадом. Я узнал о том, что мы с ней практически соседи по даче, только весной прошлого года. Мы договорились встретиться летом. Так и случилось. Мне удалось приехать к ней в гости в самом начале августа 2018 г. Я вырвался из суеты очередного дачного ремонта и попал в тихое и уютное место – настоящий профессорский дом, который очаровал меня своей архитектурой и интерьером. Первый раз мы были с женой и, не сговариваясь друг с другом, пришли к выводу, что жилище Нели Васильевны удивительным образом соответствует её особому образу жизни и утонченному миру. В августе 2019 г. я вновь приехал к ней на дачу, но в этот раз разговор пошел о хозяйственных вопросах.*

Представляю первую часть нашего разговора о философии, в которой Неля Васильевна предстает как профессиональный исследователь и переводчик. Мы обсуждали с ней философию Канта, Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера и некоторых других мыслителей. Она их называет «избранными философами», а я по привычке – классиками философии. Но тема

разговора оказалась шире, чем обсуждение философского наследия. Мы говорили о значении или существовании философии в жизни каждого из нас. Неля Васильевна поделилась своим опытом философствования, с которым я хотел бы познакомить наших читателей.

Ю.М.: *Уважаемая Неля Васильевна! Что для Вас есть философия — профессия, призвание, образ жизни? Одним словом, Ваше отношение к философии, поскольку Вы как настоящий философ в ней укоренены всем своим существом. Но далеко не всех можно назвать таким ответственным и ко многому обязывающим именем.*

Мотрошилова Неля Васильевна: Это, конечно, очень сложный и объемный вопрос, будет трудно ответить на него в двух-трех словах. В общем из того, что я уже смогла сделать за свою довольно продолжительную научную жизнь, можно понять тому, кто в это вникает, что такое философия для меня.

Так получилось, что я поступила на философский факультет МГУ в 1951 г. С тех пор я никуда не уходила из философии. И, может, подход ко мне и к моей жизни состоит именно в том, что у меня (за исключением моей личной жизни и моей семьи, которую я бесконечно ценю), если сосредоточиться только на профессиональной стороне, то ничего и не было рядом с философией.

А вот, кроме философии, мне было интересно жить в то время. Судьба мне подарила массу каких-то незабываемых встреч, и среди них таких, которые удивляют и сегодняшних людей. Это и уже ушедшие из жизни, и еще живущие люди преклонного возраста. Жизнь была все равно вокруг философии, также как и любовь, и дружба. Поэтому вопрос для меня так стоит: я выбрала философию тогда, когда мало что понимала о ней, как и большинство из нас. И до сих пор остаются вопросы. Действительно, философия — это моя жизнь, история моей жизни, и самое важное в ней после семьи. Также это та область, которая и сейчас меня целиком занимает настолько, что я наяву перед сном и во сне что-нибудь сочиняю, обсуждаю. В определенной степени это связано с бессонницей, которая меня мучает. Но я все-таки справляюсь. Вот в целом философия — это *существо моей жизни*, после семьи, разумеется. Но они и не соперничают.

Ю.М.: *У каждого философа имеется своё, порой метафорическое определение того, чем он занимается, т.е. своё понимание философии. Так, например, у Н.А. Бердяева можно встретить такое выражение: «целостная реакция духа на совокупность бытия». А у Вас есть какое-либо любимое определение философии?*

Н.В.: У меня нет такого определения. Я против них. Любя и зная Бердяева, могу сказать, что меня это определение никак не удовлетворяет. Вообще я мало доверяю общим определениям, ибо в них под философией подразумевают самое разное.

Ю.М.: *Конечно, это Ваше право так считать, как и моё, — иметь собственное представление на этот счет. Вернемся к тому времени, когда Вам было 18 лет и Вы пришли на философский факультет, смутно представляя, чем Вы там будете заниматься. Но что послужило первотолчком? Любознательность или что-то иное? И кто из Ваших знакомых помог Вам в профессиональном самоопределении?*

Н.В.: Конечно, люди помогли. Причем удивительно, насколько случайным образом это было в меня заброшено. Я дружила с одним мальчиком. У нас была прогулочная улица, Ленинский проспект, в той его части, которая начинается после ст. м. Октябрьская. Училась я в московской школе № 639, на тот момент она была расположена на Пятом Донском проезде. Учителя работали еще с дореволюционных времен. Был блистательный математик, из-за которого я сначала хотела идти на матема-

тический факультет, он меня всячески стимулировал к этому. Также была самая настоящая немка Августа Михайловна. Она уже немного впала в детство, но нам это было только на пользу. Она приносила на урок кукол, с которыми мы должны были играть и общаться на немецком языке. Была хорошая учительница биологии. А учитель литературы рассказывал всё очень глубоко, хотя и скучно.

В общем никакой философии на горизонте не было. Школа была женская. Это одна из лучших школ в Москве по педагогическому составу в то время. А рядом находились две мужских школы и мы гуляли с мальчиками из этих школ. С одним из них я очень подружилась и он сказал, что пойдет учиться на философский факультет. Но когда я пошла на философский факультет, наша дружба распалась.

Ю.М.: *Так это он Вам внушил идею о поступлении на философский факультет?*

Н.В.: Не знаю, как это было. Он сам плохо представлял, что такое философский факультет. Но был хорошим специалистом в своей области.

В общем, пошла я туда абсолютно случайно.

Ю.М.: *Кстати, уже после нашей с Вами беседы я проводил встречу в институте с академиком В.А. Лекторским и он сказал, что его путь в философию был полон случайностей, которые и определили, в конечном счете, его выбор. Удивительно, что Владислав Александрович учился на философском факультете в то же самое время, что и Вы. Он поступил на год раньше Вас и его воспоминания об учебе на факультете во многом созвучны тому, что Вы рассказываете.*

Н.В.: Продолжу. Я начала к тому времени собирать сведения о том, что такое философский факультет и философия вообще. И подумала, что мне это интересно. В школе у меня была золотая медаль, думаю, что и неплохие знания, поэтому я поступила без экзаменов. Когда я пришла на философский факультет, то это уже особый рассказ. Факультет тогда был миром всяческого брожения, зачинанием того, что сейчас он собой представляет.

Ю.М.: *Всего за два года до смерти Сталина?*

Н.В.: Сталин умер в 1953 г., когда мы были уже на 3 курсе. И если учесть, что пол-Москвы слезы проливали, давили друг друга, а мы в это время сидели на лекции и переписывались насчет того, как хорошо, что он ушел. Нам не жалко было его как человека.

Ю.М.: *Не страшно было? Ведь осведомители в то время были практически во всех организациях и подразделениях.*

Н.В.: К тому времени мы уже не были сталинистами. Все люди на факультете, все педагоги, которые были нам важны, имели свою позицию.

Ю.М.: *А кто был Вашими учителями на философском факультете?*

Н.В.: Как уже сказано, я поступила на философский факультет в 1951 г. Можно ли было там узнать, что такое философия? По поверхностному взгляду некоторых людей, которые только такой и предпочитают, там нельзя было тогда учиться философии. Я же утверждаю, что не только можно, но и нужно было учиться там. Правда, нужно было сделать отсев: кого надо слушать, а кому только надо сдавать и забыть затем эту белиберду, и что надо сделать, чтобы у тебя в голове осело. Следует отметить, что, поступив на первый курс, я еще не разбиралась во всём этом. Но где-то на втором и третьем курсе я уже больше ориентировалась. Более того, на третьем курсе моим преподавателем был Эвальд Ильенков. Что он сделал? Он преподавал нам классическую дисциплину «История философии». Это был первый человек, который за-

родил в моей голове мысль о том, что я должна изучать историю философии, что это и будет мой профессиональный путь.

Ю.М.: Удивительно. Ведь он не был историком философии.

Н.В.: Почему же. У нас он читал тогда западно-европейскую философию Нового времени. У него был напарник Корбиков, очень интересный человек. А с Эвальдом связаны две вещи. Кроме общей историко-философской ориентации, которая уже всем запала, ему удалось привлечь внимание к немецкой философии. У меня был неплохой немецкий язык после школы. Но он требовал от нас большего. Он хотел, чтобы мы переводили что-нибудь новое. Тогда это была книга Лукача «Молодой Гегель». Вокруг Эвальда уже была группа, которая с ним работала. Мы разделили на части книгу и стали переводить. Недавно кто-то мне сказал, что наш перевод сохранился. Что касается немецкого языка самого Эвальда, то потом я убедилась, что он был не на очень высоком уровне, т.е. хорошо читал, мог немного объясняться на немецком языке. Но скорее всего он был патриотом немецкой философии, включая Маркса. Это была моя первая студенческая школа и не только студенческая.

Ю.М.: Кафедра истории философии уже тогда была? Когда я пришел на факультет, их было уже три — истории западной философии, истории философии народов СССР и истории марксистско-ленинской философии.

Н.В.: Тогда их было, кажется, две. И что-то еще, связанное с восточной философией, но это всё было факультативным.

Тот же Эвальд Ильенков — это человек, у которого можно учиться мысли, постановке философских вопросов. Он был удивительной личностью. Все ходили к нему домой, разговаривали с ним. Еще была удивительная деталь — он был поклонником Вагнера. Эвальд уцепился за меня ещё и потому, что мог сажать меня перед партитурой, чтобы я слушала немецкие тексты и следила за этими голосами. У него были пластинки, уж не знаю, где он их только достал. У других ребят были еще какие-то совместные дела с Эвальдом.

Ю.М.: То есть Ильенков — Ваш учитель? Что Вас влекло к нему?

Н.В.: Он был плохой учитель, а люди собирались вокруг философии и вокруг историка философии.

Ю.М.: Но все-таки у него были какие-то лидерские начала, необходимые для преподавателя?

Н.В.: Если и были, то в превращенном виде. Но лично для меня Эвальд — это стадия вхождения в философию. Потом я поняла, что его устами говорила сама философия. Это было легко увидеть, потому что вокруг были разные преподаватели. Вопрос не очень простой. Во-первых, Ильенков работал на кафедре истории философии, которую возглавлял Т.И. Ойзерман, — человек, которого можно упрекнуть в чем угодно, но только не в том, что он не знал историю философии, в частности, немецкой. Еще нам читал лекции Ю.К. Мельвиль. Возможно, в его лекциях я впервые услышала о феноменологии Гуссерля.

Что касается истории русской философии, то это была не просто плохая кафедра, но еще и наиболее «злая». Когда у нас сформировалась «стая» студентов с бунтарскими настроениями, то заведующий кафедрой И.Я. Щипанов нас всех отметил, внёс в свой список, а наши фамилии произносил с маленькой буквы. В общем, кафедра была воинственной. Так что узнать там, что такое настоящая русская философия, вряд ли было возможно. Но, правда, в эти годы и там появились новые люди.

Помню, были две преподавательницы — Арефьева и Бурлак, которые с нами работали по русской философии. Одним словом, в это время там всё менялось.

Вот представьте. Идёт 1951 год. Я поступаю на философский факультет. Мне 17 лет. В голове ещё нет ничего определенного. Какой же это был выбор? Что хорошо преподавалось на факультете, так это — специальные дисциплины. Вот, например, политэкономии капитализма читал испанец Мансилья. Судьбе было угодно, чтобы он позже жил рядом со мной на даче. Мы с ним потом долго дружили. Он был влюблен в «Капитал» Маркса, так же как и Э. Ильенков, а позже и А. Зиновьев. Именно они и подвигли нас к Марксу.

Еще хорошо преподавали другие нефилософские дисциплины, например, историю. Также был совершенно потрясающий латинист, хотя он был немного блаженным старичком. Нужно было учить латинский язык, а мы обладали тогда большой долей глупости. Сейчас я понимаю, что надо было из всех предметов учить именно его предмет и именно у этого человека.

Ю.М.: Кого Вы ещё запомнили?

Н.В.: Из преподавателей, пожалуй, я больше никого не могу назвать, их было много. Деканом был В.С. Молодцов — ужасающий человек. Не был он никаким философом. Когда я поступала на философский факультет, нас приветствовал тогда еще декан факультета А.П. Гагарин. Когда он выступал, мы переглядывались: он так чудовищно говорил, что, начиная предложение, не знал, чем и как его закончит. Помню также Г.М. Андрееву, у которой я потом писала курсовую работу. Позже она была научным руководителем моего сына.

Однако это было в стороне от той философии, которую я начинала для себя осваивать.

Ю.М.: Я поступил на философский факультет на 30 лет позже Вас, но мне было уже 22 года. Я поступал после техникума и армии, имя такое смутное представление о том, что мне предстоит изучать. Когда Вы сложились как исследователь?

Н.В.: Мне бы хотелось сказать, что все-таки было главным на факультете? Для меня важно было вот что: на факультете никак не меньшую роль играли тогда студенты и аспиранты. Это были люди, которые частично приехали в Москву из провинции. На курс позже меня учились П.П. Гайденко и Э.Ю. Соловьев. В.М. Межуев был моим однокурсником. Я его помню как очень привлекательного, большого ума человека, принадлежавшего к той группе, на которую, сразу было ясно, что нужно было ориентироваться.

На втором курсе я уже всё знала про преподавание на философском факультете: куда надо ходить, кого нужно слушать, а кого не нужно. Прогуливать тогда нельзя было, потому что всё записывалось в журнал и могли лишить стипендии. А в такой семье, как моя, стипендия была нужна как воздух. Мой отец погиб в 29 лет на фронте, а у моей матери были я и моя сестра. Но мы уже знали, кого надо слушать на факультете. Откуда мы это знали? Но это же студенчество. Там все друг друга знали и что-нибудь друг другу передавали. Я уже на 1, 2, особенно на 3 году, когда начался курс Ильенкова, прекрасно знала, как надо проводить время на факультете.

А время было удивительное и напряженное, очень занятое, не было свободных дней и минут. Потому что уже были те преподаватели, о которых я говорила. Для меня уже существовал профессор В.Ф. Асмус по стечению обстоятельств. Как и где я услышала фамилию Гуссерля, я сейчас не помню. Но помню, что на 4 курсе я реши-

ла, что темой моей дипломной работы будет второй том «Логических исследований» Гуссерля. Ильенков не пришел в восторг, сказал, что нужно заниматься классикой — Марксом, Гегелем. Я сказала, что буду и слово свое сдержала. Узнав тему моей дипломной работы, Ильенков также подарил мне перевод первого тома «Логических исследований», который делал Франк. Во втором томе не переведено ни одного слова, и я не знала, что с ним делать. Пошла к Асмусу, а он у нас ещё не преподавал. Но преподавал на 5 курсе, я бегала к нему слушать лекции. Я попросила его быть моим научным руководителем. Он сначала замолк на мгновение, а потом ответил, что уже несколько лет ждет, что кто-нибудь придет и у него это попросит.

Асмус был профессором на кафедре истории философии. Про него рассказывать не нужно, его все знают. Хотя в последнее время есть желающие бросить на его имя, для меня святое, какую-то тень. В общем, Асмус взял меня на 4 курсе, и я уже читала и переводила «Логические исследования». Этот перевод у меня долго хранился. Я им руководствовалась, потому что второй том стал переводиться, когда Молчанов начал публиковать свою феноменологическую серию.

Одним словом, на факультете, куда мы ходили на лекции к таким людям, как Асмус и Ойзерман, потому что последний неплохо знал историю философии, отчасти учились у Мельвиля, он был профессионал. Но мы бегали также слушать и студентов старших курсов и аспирантов, например, М. Мамардашвили, который время от времени чего-то изрекал, или к Зиновьеву. Про Мамардашвили я услышала совершенно частным образом. Я поехала отдыхать на юг и мне попалась девушка, жившая рядом со мной, которая училась на курсе с М. Мамардашвили. Она мне прожужжала про него все уши. Ведь уже тогда вокруг Мераба вились девицы.

Ю.М.: *А что он вещал? Давал какие-то интерпретации концепций?*

Н.В.: Да. Он уже занимался Марксом, причем совсем неизвестным. У него уже были его ранние работы. Во всяком случае на этих встречах были еще и педагоги, которые сидели с нами за одним столом и слушали студентов. Они уже тогда выделялись.

Еще могу сказать о политической стороне дела, о которой мы отчасти упомянули. Абсолютно никаких сталинистских веяний в том круге, в котором я вращалась, не было. Нам уже был ясен этот вопрос. А когда в 1953 г., посреди нашей учебы, умер вождь всех времен и народов (и также по совместительству «великий философ»), мы не только не ходили плакать, но и не принимали всё это всерьез. Конечно, я сужу по себе, хотя многие из нас могут об этом рассказать.

Ю.М.: *То, что факультет даже в то время — сталинское и отчасти постсталинское, в чем-то напоминал пчелиный рой, в котором было много разных голосов, в т.ч. студенческих, аспирантских, это меня приятно удивляет. Но потом факультет стал другим. Неужели он утратил это качество?*

Н.В.: Не могу с этим согласиться. В разное время я имела отношение к факультету и там всегда было брожение, многоголосье, но оно началось еще тогда. Это я хочу подчеркнуть именно из своего опыта. Много, что было потом, я забыла, а именно это помню. Ведь это было начало моей жизни в философии и мне надо было выбирать свою дорогу, пройти через многое. И для этого мне нужно было найти Асмуса, чтобы он стал моим научным руководителем.

Ю.М.: *Это была исключительно Ваша инициатива?*

Н.В.: Вот именно. Когда я написала работу, он оставил очень хвалебный отзыв, рассказал, как это было необычно. После окончания философского факультета мы

случайно встретились с Пиамой Гайденко в Ленинке. Я убеждала её, что надо заниматься Гуссерлем, а она меня убеждала, что надо заниматься Хайдеггером, поскольку это было её занятием, она писала по нему дипломную работу. Потом судьба нас рассудила, поскольку я стала заниматься Хайдеггером, а она прекрасно занималась Гуссерлем.

Ю.М.: *Удивительно. У меня по ходу нашей беседы появился еще один вопрос. Две девушки учатся с разницей в один курс на философском факультете, заканчивают его, специализируясь на кафедре истории философии, и до сих пор продолжают работать вместе в Институте философии. Вас что-нибудь объединяет, разумеется, кроме любви к истории философии?*

Н.В.: Да, но что, я не готова сказать.

Ю.М.: *А соперничество между вами было, присутствовал дух конкуренции?*

Н.В.: Нет. По крайней мере, с моей стороны. Может, кто-то и рассматривал нас как соперниц. Но до сегодняшнего дня она — один из самых близких мне людей. Никогда не забывала меня поздравить. Нас многое сближало.

Вот, что я думаю. Сейчас цифирь выступает на первый план, но при всех подходах качественных, цифирных на первом месте для меня стоит Гайденко, потому что она — «классик». Она себя сделала. Когда она училась на факультете, я её уже знала, так же как и Э. Соловьева.

Кстати, недавно я написала статью для журнала «*Russian Studies in Philosophy*», посвященную Э. Соловьеву. Он родом из г. Нижний Тагил, из семьи репрессированных, приехал в Москву, поступил на философский факультет МГУ и стал одним из самых умных и подготовленных людей. Почему? В частности, потому, что в его родной город приехали преподаватели, эвакуированные из Петербурга и Москвы, и стали учить детей. Они не подходили по возрасту для призыва в армию, но выучили целое поколение.

Поэтому ни Пиама, ни Эрик, приехавшие из других городов, ни в чем не уступали местным ребятам. Здесь нужно учитывать простую вещь: Россия, что бы с ней ни делали, рождает таланты в разных городах и весях. Вспомните, как писал Розанов насчет русского Нила, что во всех городках наблюдалось какое-то движение, рост молодежи, старшие ученики учили младших. Это земля, которая рождает таланты даже сейчас, когда кажется, большие деньги играют главную роль, хотя наши ребята всё время привозят золотые медали с международных конкурсов.

Ю.М.: *Давайте вернемся к Вашему пути. Вы не любите, чтобы мы перескакивали через события, но как историк философии Вы используете такой прием, как периодизация. Как бы Вы поделили свое философское творчество, на какие периоды? Ведь были у Вас периоды увлечения Гуссерлем, Хайдеггером, другими персоналиями или течениями?*

Н.В.: Легко. Первое, что идет со студенческих лет, с одной стороны, Гуссерль и интерес к немецкой классической философии — Кант, Гегель, — это пришло во многом от Ильенкова, а также от Овсянникова, который занимался эстетикой Гегеля. Последний был хорошим преподавателем, прекрасно знал то, о чем он рассказывал. И с этого же времени у меня появился большой интерес к русской философией дореволюционного времени. Но к этому я пришла попозже [5; 8]. По сути дела, эти темы меня волнуют до сих пор.

Ю.М.: *То есть это не периоды, а некие векторы, магистральные направления Ваших исследований?*

Н.В.: Да. Это векторы, которые двигались сами по себе. Когда я к середине 1960-х годов начала писать о Гуссерле, то в самом гуссерлеведении многого еще не было сделано. Издание Гуссерля продвигалось через самые разные этапы. Поэтому, не оставяя Гуссерля, я должна была все время изучать то, что поставляла нам западная мысль, точнее говоря, и сам Гуссерль, и его верные ученики. Собрания его сочинений («Гуссерлианы») вообще у нас еще не было. Я стала ею интересоваться по мере того, как том за томом выходили его сочинения. Причем закончу эту тему сегодняшним этапом. То, о чем я сейчас пишу, — ранний Гуссерль [2; 10]. «Гуссерлиана» начала выходить в томах только после 1970-годов. А в моей последней книге о раннем Гуссерле всё это было опубликовано в 1980-1990-х годах. Для проработки проблем мне надо было дожидаться последних томов.

Ю.М.: *То же самое происходило у Вас и с Хайдеггером? Вы дождались последних томов, когда были опубликовали «Черные тетради» и т.д.*

Н.В.: Это было и остается особенностью моего развития. Я стала выезжать за границу в 1960-х годах, уже окончив аспирантуру Института философии. В 1965 г. мы поехали на гегелевский конгресс в Зальцбург. Это была моя первая поездка в капиталистическую страну. Была солидная делегация. Наша маленькая группа включала Э. Ильенкова и А. Гулыгу (я преклоняюсь перед этим человеком; замечательный историк философии, талантливый юморист). Нам тогда намекнули, что мы должны записывать всё: утром уходить на конгресс, а вечером должны рассказывать, что было на нём. Затем за день до отъезда они нас собирают и просят рассказать, что было в последний день, имея ввиду, что они это будут докладывать с опровержением или подтверждением (помимо меня были еще Е. Сафронова, Е. Осипова, Э. Ильенков и А. Гулыга). Оказывается, Иовчук и другие всех уже разгромили.

Перед нами возник вопрос: что делать? Старшие товарищи сказали, что если мы скажем то, что думаем, то больше никогда не поедем и, тем более, ничего не изменится. Ведь вместо нас найдут других ребят. Уже не помню, нужно ли было рассказывать им или они сами уже знали, что на этом конгрессе я встретила Людвига Ван Бреда — человека хорошо известного в гуссерлеведении. Он с угрозой для жизни вывез архив Гуссерля. Так вот, когда мы с ним встретились, то я сказала, что занимаюсь Гуссерлем, и вдруг он мне говорит: «Дайте мне ваш адрес, вам будут высылать Гуссерлиану». Представьте теперь моё состояние. Ни у кого другого из коллег не было, в библиотеках не было, а у меня будет.

Ю.М.: *Бесплатно присылал?*

Н.В.: Да. Он понимал, что у меня не может быть никаких денег для оплаты.

Ю.М.: *Сколько же Вы получили томов?*

Н.В.: Я не считала, к тому же некоторые тома отдавала. В общем, до смерти Ван Бреда мне регулярно присылали книги. Важно то, что я работала по «Гуссерлиане» тогда, когда в российских библиотеках её не было.

Ю.М.: *А с Хайдеггером такая же случилась история?*

Н.В.: Нет. Хайдеггер — совершенно особая история, хотя он от Гуссерля неотделим. До сих пор я пишу о «Черных тетрадах», сдала недавно новую статью. По Хайдеггеру особый разговор, который я веду с тех пор, как начала его изучать. Но все эти годы я продолжала заниматься Гуссерлем. Как я и говорила, всё зависит от источника. Более того, я прорабатывала целый ряд тем, накапливала материал.

Ю.М.: *У Вас много любимых мужчин в философии?*

Н.В.: Не забудьте, что у меня имеются работы по философии XVII–XVIII вв. Я издаю немецко-русское издание Канта. Как известно, Кант — моя основная специальность, как и Гегель, Хайдеггер [2; 4; 9].

Ю.М.: *Но ведь это всё немецкие философы. Их можно объединить в одну группу.*

Н.В.: Лучше сказать, что я занималась историей философии с большим прева-лированием немецких философов. Но в рамках литературы (гуссерлеведения, гегеле-ведения, хайдеггероведения и пр.), я старалась охватить весь массив историко-философской литературы. Я научилась свободно читать на трех языках. Благодаря чему? Когда я поступила в аспирантуру в Институт философии, то можно было бес-платно учить иностранные языки, но с условием сдачи кандидатского экзамена. У меня уже был к тому времени сдан немецкий минимум и я стала учить английский и французский. Увы, тогда замечательно преподавали языки. Причём, всё это было совершенно бесплатно. Французенка у меня была автором учебника. Когда ты на-чинаешь готовиться к кандидатскому экзамену, то два года нужно ходить на занятия. Я ходила на французский, надеясь, что что-то постигну. Но какая была у меня учи-тельница! Если ты не выполнял какое-то задание, она воспринимала это как личное оскорбление. Когда сдавали экзамен, нужно было читать классику, переводить. Я довольна сейчас тем, что я в своей профессии всё читаю в оригинале. Также вырабо-тала привычку всё время читать художественную литературу. Сейчас читаю А. Фран-ца на французском. Также читала Т. Манна.

Ю.М.: *Это замечательно. Вернемся к Вашим тематическим направлениям или спе-циальностям (Кант, Гегель, Гуссерль, Хайдеггер и др.). Есть ли у Вас собственная «лебе-диная песня», которая проходит стержнем через всё Ваше творчество? Переводы, ана-лиз текстов — этим Вы владели в совершенстве. А в чем заключается Ваша собственная философская концепция?*

Н.В.: Я думаю, что такая концепция у меня есть. Всякий раз, когда я пыталась интерпретировать то или иное произведение, у меня была руководящая мысль. На-пример, я думаю, в темах гегелевской истории философии старалась показать, что наука логики Гегеля может быть интерпретирована как логика науки, т.е. как логика системного мышления.

Проблема системы у меня появилась не в том классическом марксистском виде, как было принято, а в ином плане. Я считала, что имеет смысл рассказать о проблеме науки логики так, чтобы человек, выстраивающий системную теорию науки, мог что-то из этого извлечь. Другими словами, я интерпретировала «Науку логики» как логи-ку науки. Это, конечно, только один аспект, но он меня занимал и до сих пор занима-ет. Я выделила определенный аспект, где это действует, а именно: когда тот или иной ученый или теоретик, или группа людей выстраивают научную теорию, с чего они начинают? С бытия.

Ю.М.: *Это можно назвать Вашим подходом?*

Н.В.: Да. И этот подход реализовывается всякий раз, когда я принимаюсь за ка-кую-то тему.

Ю.М.: *Можно его назвать историко-генетическим?*

Н.В.: Нет, он не только историко-генетический, но и внутривопросный. В этом заключается моё понимание системной логики науки.

Ю.М.: *То есть Вы реконструируете эту логику всякий раз на примере учения того или иного философа?*

Н.В.: Да, на примере Гегеля. Почему? Потому что я считаю, что он был одним из немногих, кто этим занялся. И мало людей, которые так его поняли.

Ю.М.: *И Вы использовали данный подход, когда работали с текстами Канта?*

Н.В.: Конечно. Этот подход мне очень важен для понимания Канта. До сих пор идёт много споров вокруг него. Недавно я обнаружила, что люди, которые претендуют на то, чтобы заниматься Кантом, совершенно не понимают его. На одной конференции я убедилась в следующем: появилось целое поколение так называемых кантоведов, которые читают его по-английски, они не учили немецкий язык, ни на какой стадии им это не понадобилось. Они придумали теорию о том, что английские переводы дают аутентичного Канта. Дело в том, что на этом я тоже «собаку съела». Отлично знаю, кто, как и откуда переводил, кто в чем ошибался, кто от кого зависел.

Также остро стоит проблема интерпретации перевода Канта. У нас был коллектив двуязычного Канта, он работал вместе с немцами. Некоторые из них не знали русского языка, однако были патриотами издания. Сейчас такого уже нет. Тем не менее, мы продолжаем этим заниматься. Есть человек из более молодого поколения, Алексей Круглов и какие-то вещи он знает очень хорошо. Так вот мы в этом тексте варились, издали «Критику чистого разума» в трех томах.

Ю.М.: *Вы как-то соотносились с переводами Канта, которые были сделаны до Вас?*

Н.В.: Разумеется. Приведу один пример. Это относится к самому началу нашего издания, первому тому. Там есть статья Канта «Предполагаемое начало человеческой истории». Я могу с удовлетворением сказать, что есть группа выдающихся молодых людей, которые умеют работать над этими текстами Канта, оригинальными и переводами, и т.д. И вот один из этих ученых, Зигмунд, взял эту статью. И он устроил проверку русскому переводу Шапиро, который считался до сих пор классическим. Потом этот перевод исправил В. Жучков, который с нам сотрудничал в первых томах двуязычного Канта. И Жучков отверг совершенно перевод Шапиро. Зигмунд сверил переводы Шапиро и Жучкова, и не нашел у последнего ни одной ошибки. В итоге мы всё проверяли. Споры продолжаются до сих пор. Недавно В. Молчанов написал статью о том, что он, согласно моему предложению, против перевода «вещи самой по себе». У него есть концепция, почему этого нельзя делать. Я с этим согласна. Живая материя есть всё время развивающаяся вещь. Во всяком случае здесь существует контроль, другой взгляд.

Ю.М.: *Этим летом я взял «Критику способности суждения» с подачи одного коллеги, которому она нравится, и пытался понять, чем именно она интересна.*

Н.В.: Она не любима мною.

Ю.М.: *Получилось, что и мною тоже. Но вернёмся к нашему разговору. Мы обсуждали, что у Вас есть к каждому великому философу свой подход или метод. И это не просто интерпретация.*

Н.В.: Не к каждому, а к избранным моим философам.

Ю.М.: *Обратимся теперь к другой теме. Как-то Вы мне сказали, что не стоило использовать слово «феноменология» применительно к названию моей книги. Вы отнеслись достаточно настороженно к моей монографии «Феноменология человека». Конечно, я пришел к этому стихийно, не через оригинальные тексты Гуссерля или Хайдеггера, хотя тоже причисляю себя к сторонникам феноменологии. Если рассматривать основную идейную составляющую Вашего творчества, то считаете ли Вы себя феноменологом?*

Н.В.: Со своего философского детства терпеть не могу определения, к которым Вы меня склоняете. Я считаю, что такие вопросы решает не данный человек и не при его жизни. Всё это утрясается в результате проверки, причем интернациональной. Не мне судить, могу ли я считаться феноменологом или нет.

Ю.М.: *Приведу два возражения. Первое. Помните, мы говорили с Вами о Мамардашвили, который считал себя феноменологом. Несмотря на то, что второй том «Логических исследований» Гуссерля он, скорее всего, не читал, потому что его тогда не было в природе, как и большинства других произведений. Он называл себя феноменологом и не стеснялся этого. Почему же Вы так сдержанно говорите о себе?*

Н.В.: Он многого не стеснялся и правильно делал, потому что он был Мамардашвили [6]. Я считаю, что такие умы, как Мамардашвили, рождаются очень редко. А почему я против того, чтобы употреблять эти понятия? Впервые мне об этом сказал Асмус, когда я употребила что-то, относящееся к Фихте. Спросил: «В фихтеанском смысле?» Я ответила, что нет. Тогда он сказал: «Тогда не говорите так. Не затрагивайте эту проблему. Или, затрагивая её, давайте свои обозначения. Не берите никогда занятые термины». Феноменология — занятое в разных смыслах понятие.

Ю.М.: *Но ведь не Гуссерль первым открыл феноменологию. Там уже были предшественники, в т.ч. и Гегель.*

Н.В.: Да, есть «Феноменология духа» Гегеля. Но это совершенно особая вещь, которой я постоянно занималась и делаю это до сих пор, читаю соответствующую литературу. И есть «Феноменология» Гуссерля, и это совсем другое. Наконец, есть «Феноменология» Хайдеггера, которая очень отличается от гуссерлевской. Причем Хайдеггер постоянно состязался со своим учителем Гуссерлем, без которого его бы не было на свете. Когда вы просто употребляете слово «феноменология», то как бы вторгаетесь в этот большой мир с чем-то своим. Назовите это тогда как-то по-другому.

Ю.М.: *На Ваш взгляд, это же относится и к марксизму, экзистенциализму? Получается, что нельзя использовать термины, которые уже использовались их основателями?*

Н.В.: Нет, это относится к узкой области, с одной стороны. С другой стороны, под чем разные люди понимали разные вещи. То есть сейчас сказать «феноменология» — значит попасть в этот муравейник. Это же относится и к «жизненному миру», и к другим занятым понятиям. Я в своей работе этого никогда не делаю и не буду делать, и значит, буду относиться негативно к таким попыткам.

Ю.М.: *Понятно. Вот почему Вы так критически отнеслись к названию моей книжки «Жизненный мир человека». После Ваших замечаний и последовавшего за ними бурного обсуждения в редакционно-издательском совете института мне пришлось её переименовать. И она вышла недавно в издательстве нашего института уже с другим названием — «Мир жизни человека». При этом мне пришлось писать обоснование этому концепту, соотнося его по смыслу с понятием «жизненный мир». Должен признаться, что я до сих пор использую данное понятие, поскольку, с моей точки зрения, оно оказалось чрезвычайно продуктивным для анализа сегодняшней человеческой реальности. Но мне приходится, помня о Вашем отношении, каждый раз делать оговорки, поясняя, что я конкретно имею в виду, когда употребляю этот термин.*

Но есть и другой феномен — «институционализация науки». И это относится и к философии. Так, несмотря на то, что феноменология Гуссерля — уникальное явление, продолжают выходить новые издания по феноменологии, существуют исследо-

вательские центры. Неужели и им надо запретить использовать такое название? Они же не скрывают это многозвучие, имея ввиду некую общую рамку.

Н.В.: Ничего они не скрывают. Я знаю эту литературу. Издавая труды, нужно сразу обозначить, что вы имеете ввиду под конкретными терминами или понятиями. Вы в любом случае нападете на что-нибудь уже знакомое, пересматриваемое сегодня понятие, не нужно этого бояться. Но из профессионально-дисциплинарных соображений я бы посоветовала не брать занятые понятия. Или, например, первую главу вы должны тогда посвятить тому, как вы понимаете тот или иной термин.

Ю.М.: *Такую же работу проводил и Хайдеггер. Он был очень скрупулезен с терминами и всё серьёзно пересмотрел основания феноменологии Гуссерля. У Вас получается, что только титаны мысли могут реинтерпретировать содержание «занятых», как Вы говорите, понятий.*

Н.В.: Поверьте, это очень обманчивая скрупулезность. Недавно вышла статья В.В. Миронова и Д. Мироновой, посвященная «Черным тетрадам» Хайдеггера. Для меня это очень важно, так как они, также как и я, занимаются всеми этими темами, связанными с Хайдеггером и фашизмом. Сейчас они пишут о том же в томе «Черных тетрадей», о котором я сдала статью в «Вопросы философии».

Я всё время перевожу Хайдеггера, никогда не пользуюсь переводами, кроме тех, которые десятилетиями апробированы. Почему не пользуюсь? Я беру перевод, вижу, что меня он не устраивает и должна это всё обосновывать, втягивать читателя в ту работу, в которой он не компетентен, или если компетентен, то может быть не в курсе этого вопроса. Д. Миронова давно работает над Хайдеггером и считает, что мои переводы не требуют комментариев, что значит для меня очень многое.

Ю.М.: *Коль мы затронули с Вами эту тему, то можно привести и другие интерпретации. Как Вы относитесь к трактовке идей Хайдеггера Дугиным?*

Н.В.: Он не является специалистом. Конечно, он ездит в Германию. Сейчас всё это там издает младший сын Хайдеггера. Я знакома со старшим сыном Хайдеггера и другими людьми, и втянута в этот процесс. И у меня по этому поводу имеется особая позиция. Я считаю, что здесь нет места политиканам.

Ю.М.: *Как можно тогда объяснить изменения, которые происходили в оценке философского творчества Хайдеггера?*

Н.В.: Моя статья в «Вопросах философии» будет называться «Хайдеггер – двуликий Янус в философии». Это первая статья, в которой будет написано о том, что с ним случилось в нацистский период. Это всё документируется массой литературы. Я начала об этом писать еще тогда, когда появилась моя биография Хайдеггера в советский период. Там есть история, из которой многое подтверждено. Например, тема «Хайдеггер как нацистский ректор». Он очень этого хотел, и его жена тоже. Что она представляет собой, можно узнать в моей книге «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт». Они вступили семьей в партию Гитлера демонстративно. Это факт такого рода, в котором нет недостатка.

И Хайдеггер в «Черных тетрадях», написанных после войны, ничего не отрицает из того, что имеет принципиальное значение: что был ректором, поддерживал Гитлера и т.д. Он отрицает некоторые конкретные факты, в т.ч. то, что преследовал своих студентов-евреев. Отрицает потому, что в то послевоенное время это было подсудным делом. Ведь его лишили на несколько лет права преподавания. Это очень мягкая мера, но он пишет об этом, как о вселенской катастрофе. Но у него есть лицо

человека, который втянулся в это по семейным и личным причинам, по своим амбициям, так как давно считал себя предназначенным для более высокого поста, а самокритичностью он никогда не отличался.

Очень хорошо об этом также пишут Мироновы, приводя еще целый ряд фактов. Например, сколько преподавателей философии и профессоров вели себя в то время, по крайней мере, некрасиво, вились вокруг власти и добивались её признания. Были люди, которые бились за место под солнцем, находились возле кормушки и источника славы.

А потом наступает очередь вопроса: ну что же тогда Хайдеггер? Может, он вообще не интересен философии и не нужен там? Может быть так? Я отвечаю: нет. Поэтому он и двуликий. Нужно понять, почему он все-таки в послевоенный период стал одним из крупнейших философов и для этого имеется много хорошего материала. У него была философская голова. Во второй своей статье я хочу показать, что в этом материале он вдруг начинает размышлять о многом важном, его «заносит» в философию. И там он по-своему, по-хайдеггеровски, рассуждал о том, что было философски значимо. Это ему удалось, что и стало по сути его вторым лицом.

Имеется еще одна острая социально-политическая проблема: кто оказался победителем в войне. Победители Хайдеггеру не очень нравятся, и понятно почему. Но как много справедливых слов о нём было сказано, причем таких, которые и сегодня надо принимать в расчет. Но почему ему удается оставаться философом? Еще раз повторяю, потому что у него такая голова. И она заставляет его что-то придумывать новое, в т.ч. идти на такие изыски, как «плетеные кружева», а это уже рука большого мастера. Сейчас я собираюсь это показать применительно к его второму лицу. А что касается первого лица, то об этом уже писали и Мироновы, и я в своей первой статье. Мы писали о том, что его нужно было судить за какие-то вещи, о которых он говорит, утверждая: «Мы, немцы, виноваты». Но в чем виноваты? Не в том ли, что попутно были концлагеря и т.п.

Ю.М.: Неля Васильевна, Вы знаете лично Юргена Хабермаса, несколько раз с ним встречались и поддерживаете постоянный контакт. Его отношение к Хайдеггеру когда-нибудь звучало в ваших разговорах?

Н.В.: И звучало, и я об этом уже писала. Он является горячим противником Хайдеггера. Более того, он вырос в рамках того поколения и на том материале, который был связан с критикой нацизма и всего того, что составляло его идейную основу. У него никогда не было склонности к какому-либо экстремизму и он не одобрял его в принципе.

Интересная тема сейчас обсуждается в немецких СМИ: например, по радио я слушаю их передачи всё время. В них обсуждается, как в 1968 г. вели себя новые левые. А мы (с моим супругом) писали о том, что они одни из первых, кто пытался показать, что в этом движении есть не только молодежный или буржуазный экстремизм. Это движение было направлено против истеблишмента. В нём были разные позиции и разные идейные лидеры. У некоторых из них все время были трения с Ю. Хабермасом. Ему эта болезнь левизны не подходила и не нравилась. Хотя его самого причисляли к левым. Там произошла интересная история, неизвестная у нас, как молодежные движения протеста разошлись с Хабермасом. Они его освистывали, а он не остался в долгу перед ними. Он показал (и не только для своего времени, но и для нашего), что значит на практике левизна, радикализм, экстремизм в культуре, бунт во имя бунта с лозунгами «Долой!».

Ю.М.: *То есть Вы в этом смысле — единомышленница Хабермаса? Вы также, как и он, не являетесь сторонником левизны.*

Н.В.: Да, единомышленница. Я тоже этого не люблю. И я разделяю его позицию в работах, часть из которых переводила.

Моё знакомство с ним состоялось, когда я была на конгрессе в Брайтоне. Там все ждали Хабермаса. В итоге он приехал уже тогда, когда все разошлись на обед. Я понимала, что единственный человек, который может ему что-то сказать в сложившейся ситуации — это я. Я подошла к нему, представилась и сказала, что все ушли на обед. На что он ответил, что тоже собирается обедать и приглашает меня присоединиться. Мы пообедали. Это было наше первое знакомство. Между нами состоялся очень хороший разговор.

А потом именно я привела его и познакомила с И.Т. Фроловым, который был у нас главой делегации и имел большие полномочия. В итоге Фролов пригласил Хабермаса в Москву и сказал, что попросит Нелю Мотрошилову сопровождать его в этой поездке. Когда он приехал в Москву со своей супругой, я их встретила, а до этого у нас была переписка. В переписке я попросила их определиться, что они хотят посмотреть в Москве и вдруг получаю удивительное письмо: они хотят посетить строение архитектора Мельникова. Но самое интересное, что у моей падчерицы муж был академиком архитектуры и у него были все возможности показать и самого Мельникова, и дом Мельникова. Мы им показали. Главное, я отвечала за его лекционный курс и потом издала все эти лекции. Позже я с ним встречалась еще несколько раз и до сих пор мы с ним перезваниваемся.

Ю.М.: *Когда Хабермас приезжал на наш Философский конгресс в Москве, то он приходил и в сектор Б.Г. Юдина в Институте философии, посвященный биоэтике. Он сидел рядом со мной, и я очень сожалел, что не знаю немецкого языка. Мне очень хотелось обратиться к нему на его родном языке.*

Н.В.: Часть своей жизни он читал лекции в США и для него не было проблем с английским языком.

Ю.М.: *Но это для него. Спасибо, Неля Васильевна. И, надеюсь, до скорой встречи. Нам еще предстоит с Вами многое обсудить.*

ЛИТЕРАТУРА

1. История философии: Запад—Россия—Восток: Учебное пособие для студентов вузов: В 4 кн. / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995—1999 (кн. 3-4 совместно с А.М. Руткевичем).

Кн. 1. Философия древности и средневековья. 1995, 1996, 2000. — 480 с.
Кн. 2. Философия XV—XIX вв. 1997, 1998. — 560 с.

Кн. 3. Философия XIX—XX вв. 1996, 1998. — 448 с.

Кн. 4. Философия XX века. 1999. — 448 с.

2. Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. — М.: Наука, 1984. — 352 с.

3. Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. — М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. — 716 с.

4. Мотрошилова Н.В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. — М.: Феноменология-Герменевтика, 2005. — 568 с.

5. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк). — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 478 с.

6. Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2007. — 320 с.

7. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.
8. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50-80-х годов XX в. и западная мысль. — М.: Академический проект, 2012. — 376 с.
9. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие — время — любовь. — М.: Академический проект, 2013. — 526 с.
10. Мотрошилова Н.В. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887-1901). — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 800 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Istoriya filosofii: Zapad—Rossiya—Vostok: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov: V 4 kn. / Otv. red. N.V. Motroshilova. — М.: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, 1995—1999 (kn. 3-4 sovместно s A.M. Rutkevichem). Kn. 1. Filosofiya drevnosti i srednevekovya. 1995, 1996, 2000. — 480 s. Kn. 2. Filosofiya XV—XIX vv. 1997, 1998. — 560 s. Kn. 3. Filosofiya XIX—XX vv. 1996, 1998. — 448 s. Kn. 4. Filosofiya XX veka. 1999. — 448 s.
2. Motroshilova N.V. Put Gegelya k «Nauke logiki». Formirovanie printsiptov sistemnosti i istorizma. — М.: Nauka, 1984. — 352 s.
3. Motroshilova N.V. «Idei I» Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu. — М.: Fenomenologiya-Germenevtika, 2003. — 716 s.
4. Motroshilova N.V. Raboty raznykh let: izbrannye stati i esse. — М.: Fenomenologiya-Germenevtika, 2005. — 568 s.
5. Motroshilova N.V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. Solovev, N. Berdyaev, S. Frank). — М.: Respublika; Kulturnaya revolyutsiya, 2006. — 478 s.
6. Motroshilova N.V. Merab Mamardashvili: filosofskie razmyshleniya i lichnostnyy opyt. — М.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2007. — 320 s.
7. Motroshilova N.V. Tsivilizatsiya i varvarstvo v epokhu globalnykh krizisov. — М.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2010. — 480 s.
8. Motroshilova N.V. Otechestvennaya filosofiya 50—80-kh godov XX v. i zapadnaya mysl. — М.: Akademicheskiy projekt, 2012. — 376 s.
9. Motroshilova N.V. Martin Khaydegger i Khanna Arendt: bytie — vremya — lyubov. — М.: Akademicheskiy projekt, 2013. — 526 s.
10. Motroshilova N.V. Rannaya filosofiya Edmunda Gusserlya (Galle, 1887-1901). — М.: Progress-Traditsiya, 2018. — 800 s.

Поступила в редакцию 07.06.2019 г. (№ 2342)